

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08

Правильная ссылка на статью:

Кузеванова А. Л., Метелицкая Ю. А. Социокультурная идентификация современного российского казачества: завершен ли процесс? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 90—100. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08.

For citation:

Kuzevanova A. L., Metelitskaya Yu. A. Socio-cultural identification of the modern Russian Cossacks: is the process over? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 90—100. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08.

А. Л. Кузеванова, Ю. А. Метелицкая СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ЗАВЕРШЕН ЛИ ПРОЦЕСС?

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ЗАВЕРШЕН ЛИ ПРОЦЕСС?

SOCIO-CULTURAL IDENTIFICATION OF THE MODERN RUSSIAN COSSACKS: IS THE PROCESS OVER?

КУЗЕВАНОВА Ангелина Леонидовна — доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой философии и социологии Волгоградского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Волгоград, Россия. E-MAIL: angelina2000@list.ru ORCID: 0000-0002-3575-4828

Angelina L. KUZEVANOVA¹ — Dr. Sci (Sociol.), Assistant Professor, Head of Department. E-MAIL: angelina2000@list.ru ORCID: 0000-0002-3575-4828

МЕТЕЛИЦКАЯ Юлия Александровна — бакалавр социологии, специалист, Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований, Волгоград, Россия. E-MAIL: metelitskaya@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4998-7796

Yulia A. METELITSKAYA² — Bachelor (Sociol.), Expert E-MAIL: metelitskaya@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4998-7796

¹ Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

² Institute of Socio-Economic and Political Researches (ISEPR Foundation), Volgograd, Russia

Аннотация. Анализируются результаты деятельности государственной власти и общественных организаций по конструированию социокультурной идентичности российского казачества. Обсуждается вопрос о трехфакторной самоидентификации казачества, имеющей этнические, сословно-социальные, эмоционально-психологические основания. Обосновывается, что принадлежность к казачьей общности связана в восприятии большинства казаков с происхождением и родословной, членством в казачьих общественных организациях. В работе аргументируется вывод о ситуативном подходе современных казаков к соблюдению традиционных устоев и обычаев в повседневной жизни. Полученные данные свидетельствуют об актуализации в казачьей среде обычаев и традиций, связанных с представлениями о казачестве как о военно-служилом сословии. Выявлена значимая роль казачьих общественных организаций в процессе самоопределения представителей изучаемой этнокультурной общности. Перспективы развития этих организаций оцениваются представителями казачества оптимистично с предположением о возможном расширении сферы их деятельности. На основе анализа вторичных социологических данных и собственного исследования авторы приходят к выводу, что процесс социальной и культурной идентификации современных казаков динамично развивается и не является завершенным. При наличии необходимых условий возможно развитие этого процесса по инновационному сценарию, предполагающему концентрацию ресурсов на направлениях деятельности, связанной с социальной ответственностью казачества.

Abstract. The paper provides an analysis of the results of activities of the authorities and public organizations related to the construction of socio-cultural identity of the Russian Cossacks. Three-factor model of the Cossack self-identification which features ethnic, social and emotional and psychological aspects is discussed in the paper. The authors prove that according to Cossack perceptions the Cossack affiliation is linked to the Cossack origin and genealogy as well as membership in the Cossack organizations. The authors conclude that when it comes to customs and everyday life the modern Cossacks adopt ad hoc approach. The data obtained indicate the actualization of rules and traditions presenting the Cossack brotherhood as a military and social class in the Cossack community. The authors highlight that the Cossack organizations play an important role in self-identification of this ethnic community. The Cossack community assesses the prospects of development of these organizations in a positive way and considers possible expansion of their activities. Based on the secondary data analysis and the authors' study the conclusion suggests that the process of social and cultural identification in the modern Cossack community is actively developing and is not completed. Providing the necessary conditions an innovation scenario of development which focuses on the Cossack activities related to social responsibility is possible.

Ключевые слова: казачество, социокультурная идентичность, самоидентификация, культурно-этническая общность, казачьи организации, казачья культура, казачье движение, социокультурный тип

Keywords: Cossacks, socio-cultural identity, self-identity, cultural and ethnic solidarity, Cossack organizations, Cossack culture, Cossack movement, socio-cultural type

В конце 1980-х годов на фоне распада СССР и связанных с ним процессов разрушения привычной модели мира, групповых и индивидуальных идентичностей, сложившихся в годы существования социалистического строя, началось развитие казачьего «возрожденческого» движения. Процесс его институционализации стартовал в 1991 г., когда был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и Указ Президента РФ о мерах по реализации этого закона в отношении казачества. В основе Указа лежало определение казачества как культурно-этнической общности людей, в отношении которых государственная власть в прошлом проводила политику геноцида и клеветы¹. В процессе возрождения прежних алгоритмов организации казачьих сообществ движение пополнялось не только потомками казаков, но и теми, кто принадлежал к различным социальным и этническим группам. На раннем этапе развития движения достаточным для вступления в казачье общество считалось наличие «казачьего духа» и готовности «встать в строй» в случае необходимости [Рыблова, 2010: 168]. Власти, создав реестр казачьих обществ, взявших на себя обязательства по несению государственной службы, установили контроль над казачьим движением и использовали его потенциал в решении геополитических проблем Юга России. Движение первоначально пополнялось за счет казаков старшего и среднего возрастов, выросших в советское время, что дало основания ряду исследователей говорить о феномене «советского казачества» в противовес историческому [Водолацкий, 2011: 52]. В течение последних двадцати лет социокультурная идентичность казачества конструировалась с использованием возможностей электронных и печатных средств массовой информации, с помощью публикации художественной и научно-популярной литературы, создания исторической и этнической мифологии, возрождения традиционной культуры. Причем это конструирование осуществлялось по инициативе как властей, так и самих участников движения за возрождение казачества [Рвачева, 2009: 89]. Каков результат реализации этой политики на сегодняшний день?

Одним из возможных ответов на этот вопрос могут стать результаты социологического исследования, проведенного авторами с помощью метода анкетирования в январе-феврале 2016 г. на территории Калачевского района Волгоградской области (n=300, тип выборки — двухступенчатая случайная). В опросе приняли участие казаки, из них 79% составили мужчины и 21% — женщины. Распределение по возрасту выглядит следующим образом: 14—17 лет — 4,3%, 18—25 лет — 20,3%, 26—35 лет — 29,7%, 36—45 лет — 22,7%, 46—55 лет — 11,7%, старше 55 лет — 11,3%.

¹ Указ Президента РФ от 15.06.1992 N 632 (ред. от 17.10.2013) «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/1520> (дата обращения: 17.07.2017).

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о наличии противоречий в процессе самоидентификации калачевского казачества, которые в определенной степени были обусловлены несовершенством законодательной базы, обошедшей вниманием вопросы самоидентификации казачества как специфической социальной группы [Киблицкий, 2011: 105]. Выше отмечалось, что в официальных документах казаки именуются как культурно-этническая общность. Однако, судя по результатам опроса, все не так однозначно, и сохраняет свою актуальность, казалось бы, сугубо теоретико-методологическая проблема: казачество — это народ, сословие, нация или вообще внеэтническое сообщество? В ответах респондентов доминируют две основные ориентации, ставшие приоритетными: национальная и духовная (28% опрошенных выразили уверенность в том, что казаки представляют собой нацию, а каждый четвертый из респондентов полагает, что принадлежность к казачеству — это состояние души). На втором месте по популярности оказались варианты ответов «народность», «культурное объединение», «военное сословие». Таким образом, мы фиксируем трехфакторную самоидентификацию калачевского казачества, имеющую различные основания: этнические, сословно-социальные, эмоционально-психологические. Подобное триединство отражает динамику процесса самоопределения российского казачества, особенности его этно- и социогенеза.

Выясняя причины, по которым опрошенные относят себя к казакам, мы обнаружили, что большинство участников опроса руководствуются примордиальными основаниями: 66,5% участников опроса связывают свою принадлежность к казачьей общности с происхождением и родословной. Для пятой части респондентов определяющей стала конформистская ориентация, делающая приоритетным фактор членства в казачьей организации. Данные, полученные в ходе нашего исследования, не вступают в противоречие с результатами социологических опросов, проведенных в других российских регионах. Так, по итогам исследования «Казачество как этносоциальный феномен современной России», инициированного ЮРФИС РАН в 2011 г., 67,7% опрошенных ориентированы на происхождение из потомственных казаков, а для 21,5% респондентов важно, признают ли их казаками другие люди [Сериков и др., 2013: 116].

Таблица 1. Как членство в казачьей организации связано с Вашими интересами и потребностями? (в % от числа ответивших)

Членство в казачьей организации дает возможность следовать казачьему укладу жизни	56,7
Мне нравится общественная работа, которую выполняют в организации	26,4
Мне нравится общение с интересными людьми в организации	30,3
Меня привлекает работа с детьми, их воспитание	11,0
Мне интересно участвовать во всех мероприятиях, которые проводятся организацией	29,9
Возрождение казачества — вот мой главный интерес	59,9
Я очень люблю помогать людям и делать добрые дела безвозмездно	17,7

Восприятие участниками опроса своего членства в казачьей организации как подтверждения их казачьего статуса объясняется рядом причин. Во-первых, для более чем половины опрошенных принадлежность к этой организации дает возможность следовать казачьему укладу жизни. Во-вторых, для 59,9 % респондентов наличие членского билета — это своеобразный официальный допуск к деятельности по возрождению казачества. В-третьих, для чуть менее трети опрошенных казаков участие в работе организации связано с установлением коммуникационных связей с интересующими их людьми и непосредственным участием в проводимых мероприятиях (см. табл. 1).

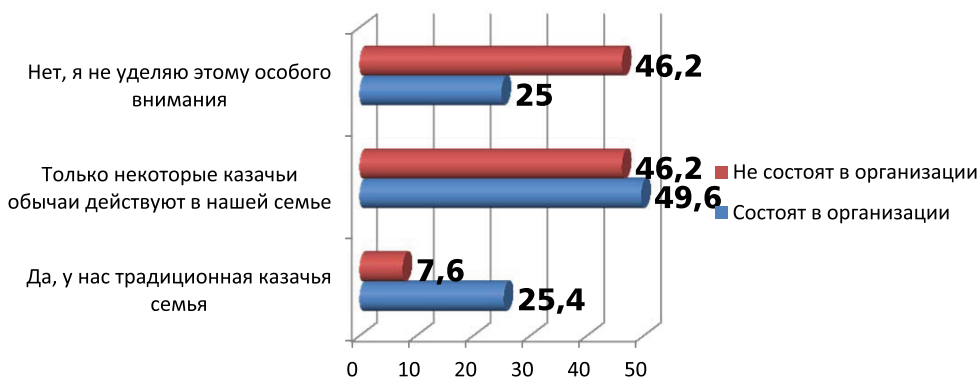

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Выстраиваете ли Вы домашний быт и отношения между членами семьи соответственно казачьим обычаям?», с учетом членства в казачьей организации, %

В процессе анализа собранной социологической информации выяснилось, что в казачьей среде наиболее актуализированы обычаи и традиции, связанные с представлениями о казачестве как о военно-служилом сословии. Иерархически соотношение ответов респондентов можно представить следующим образом: на первом месте по значимости традиция нерушимости данного казачьего слова (69,3 % респондентов выбрали вариант ответа «Казак должен всегда держать свое слово»), на втором месте — необходимость служения Родине и поддержания порядка (67,6 % опрошенных указали на важность этой традиции), на третьем месте — обычай уважительного отношения к старшему поколению (65,2 % калачевских казаков считают, что эта традиция действует и в наше время). Статистически значимыми оказались результаты, отражающие актуальность и значимость таких традиций, как следование десяти христианским заповедям и соблюдение обычая гостеприимства (см. табл. 2).

Таким образом, в современной казачьей среде не наблюдается тенденция ухода в глубокую архаику, напротив, казаки демонстрируют модель поведения, характеризующуюся избирательным подходом в отношении соблюдения тех или иных устоявшихся обычаев и традиций. При этом подавляющее большинство опрошенных (73,4 %) считают, что в настоящий период адаптация традиций прошлого к современной казачьей среде затруднена и сопряжена со сложностями. Каждый второй из участников опроса полагает, что эти слож-

ности связаны с тем, что у многих людей отсутствует должное понимание необходимости соблюдения традиционных устоев. Как показывают данные табл. 3, в группе респондентов, чей стаж работы в казачьей организации превышает десять лет, процент тех, кто ответил утвердительно на вопрос о сложности внедрения казачьих традиций прошлого, оказался максимальным и составил 66,7 %. Мы полагаем, что значительный по объему опыт организационной работы заставляет эту группу казаков со значительной долей скепсиса смотреть на перспективы беспроблемной интеграции традиционных устоев в повседневную жизнь казачества.

Таблица 2. Какие казачьи обычаи и традиции прошлого действуют в современной казачьей среде? (в % от числа ответивших)

Щедрость и гостеприимность — самая главная черта дома казака	42,6
Соблюдение десяти христианских заповедей — духовно-нравственная основа жизни казака	49,3
Старшие всегда должны быть в почете	65,2
Женщину нужно беречь от всех невзгод и уважать	34,8
Воспитание детей возлагается не только на родителей, но и на старших в общине	18,6
Дети с уважением называют родителей на «Вы»	4,1
При приветствии казак снимает шапку, кланяется и спрашивается о здоровье	8,8
При входе и выходе из дома казаку необходимо креститься на образ	13,5
Любое дело, в том числе прием пищи, необходимо начинать и завершать молитвой	9,5
Грех отказать в просьбе просящему и в подаении нищему	18,6
Негативное отношение к лицам, чрезмерно употребляющим алкогольные напитки	23,0
Казак должен всегда держать свое слово	69,3
Конь у казака — первый друг	20,3
Казак — защитник Родины, он следит за миром и порядком	67,6

Таблица 3. Сложно ли адаптировать традиции прошлого к современной казачьей среде? (в % от числа ответивших, с учетом длительности членства в казачьей организации)

Варианты ответов	Меньше года	2—3 года	4—5 лет	6—10 лет	Больше 10 лет
Да	28,2%	45,4%	33,7%	60,0%	66,7%
Скорее да, чем нет	30,7%	27,3%	42,6%	30,0%	11,1%
Скорее нет, чем да	15,4%	6,1%	11,8%	0%	0%
Нет	10,3%	18,2%	11,9%	10,0%	11,1%
Затрудняюсь ответить	15,4%	3,0%	0%	0%	11,1%

Одним из важных индикаторов завершенности процесса социокультурной идентификации является употребление национального диалекта. Отвечая на прямой вопрос об использовании казачьего диалекта в своей речи, 60,7 % респондентов дали положительный ответ, однако только 10,7 % опрошенных считают этот диалект своей живой речью, а 43,3% употребляют в повседневной жизни лишь некоторые слова. Ситуативный подход присутствует и в отношении казаков к традиционной одежде. Почти 60 % опрошенных представителей калачевского казачества предпочитают казачью одежду, но носят ее постоянно, в том числе и дома, только 9,3 % респондентов. 39,3% респондентов используют традиционные казачьи наряды только на общих собраниях или праздничных мероприятиях.

Другим аспектом нашего исследования стало выяснение роли казачьего народного творчества в жизни представителей современного казачества. Фактически все опрошенные (96 %) исполняют казачьи песни, чуть более трети респондентов предпочитают традиционные танцы, каждый четвертый исполняет частушки, играет на национальных музыкальных инструментах, интересуется устным народным творчеством; пятая часть участников опроса занимается традиционными ремеслами.

Будучи многоаспектным, процесс социокультурной идентификации предусматривает самоопределение и в отношении конфессиональной принадлежности. На начальном этапе своего становления казачество представляло собой поликонфессиональное объединение. Так, к примеру, в 1853 г. духовные нужды казаков-мусульман обслуживали 114 мечетей и 169 лиц духовного звания [Артамонова, 2015]. В дальнейшем возобладала моноконфессиональная тенденция, обеспечившая приоритетное влияние православия в казачьей среде. По данным упоминавшегося выше исследования «Казачество как этносоциальный феномен современной России», 66,3% казаков, принявших участие в опросе, уверенно ответили «Да» на вопрос «Верите ли Вы в Бога?», и 17,4% респондентов с некоторой долей сомнения отнесли себя к группе верующих людей [Сериков и др., 2013: 117]. По результатам нашего исследования, абсолютное большинство опрошенных казаков (90 %) полагают, что православие и вера являются духовно-нравственной

основой жизни казака и его семьи. Если анализировать распределение ответов респондентов с учетом их возраста, то можно увидеть, что в возрастной группе 14—17 лет не согласны с такой точкой зрения 15,4%, среди тех, кому от 18 до 25 лет — уже 3,3%, а в группах респондентов старше 26 лет таких нет вообще (см. рис. 2).

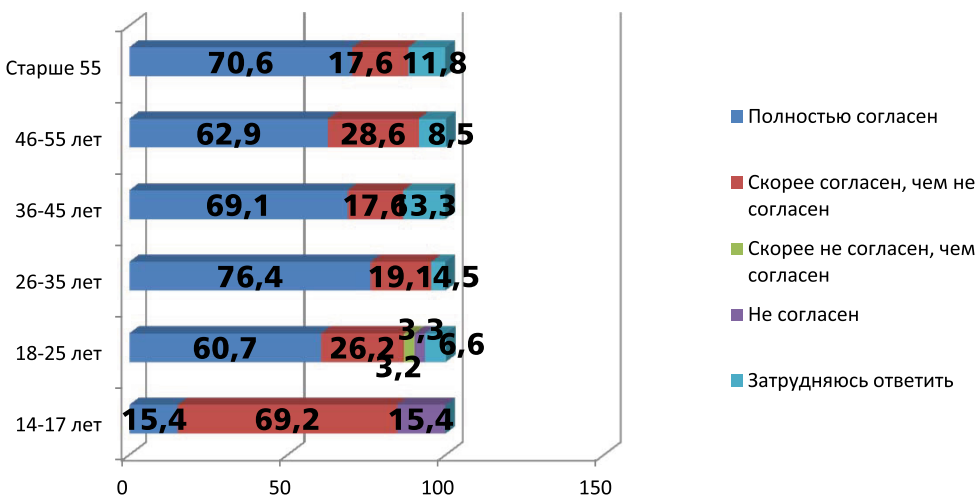

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «По казачьим законам православная религия и вера являются основой жизни казака и его семьи. Согласны ли Вы с этим утверждением?», с учетом возраста респондентов, %

Отвечая на вопросы анкеты исследования, посвященные конфессиональной идентичности казаков, более 81% респондентов отметили, что обязательным атрибутом их домашней обстановки является «святой угол», где расположены иконы, Библия и другие предметы культа. Определенная дифференциация в ответах обнаружилась при анализе социологической информации по указанному вопросу с учетом принадлежности опрошенных к казачьей организации: подавляющее большинство казаков (86,6%), являющихся членами организации, ответили утвердительно на поставленный вопрос, в группе тех, кто не имеет членского билета, ответивших аналогично оказалось почти на 30% меньше. Подобная ситуация, на наш взгляд, объясняется наличием регулирующей функции казачьей общественной организации, задающей определенные стандарты поведения для своих членов, в том числе и в сфере религиозного поведения.

Процесс социокультурной самоидентификации невозможен без наличия образовательной составляющей, предусматривающей наличие определенного комплекса знаний об истории культурно-этнической общности, основных этапах ее становления и развития. Чуть более половины респондентов оценили свой уровень знаний по истории российского казачества как средний; каждый пятый опрошенный признался, что этот уровень можно назвать низким. На рис. 3 показано, что членство в казачьей организации обеспечивает более высокий уровень

осведомленности респондентов по истории своей этнической общности: каждый третий респондент, не являющийся членом указанной организации, назвал свой уровень знаний в изучаемой области низким, в группе опрошенных, имеющих непосредственное отношение к казачьей организации, таких оказалось лишь 19,8%. Такое распределение ответов вполне объяснимо: в функции общественных организаций казаков входит просветительская деятельность, связанная с передачей знаний, касающихся исторических этапов становления и развития казачества.

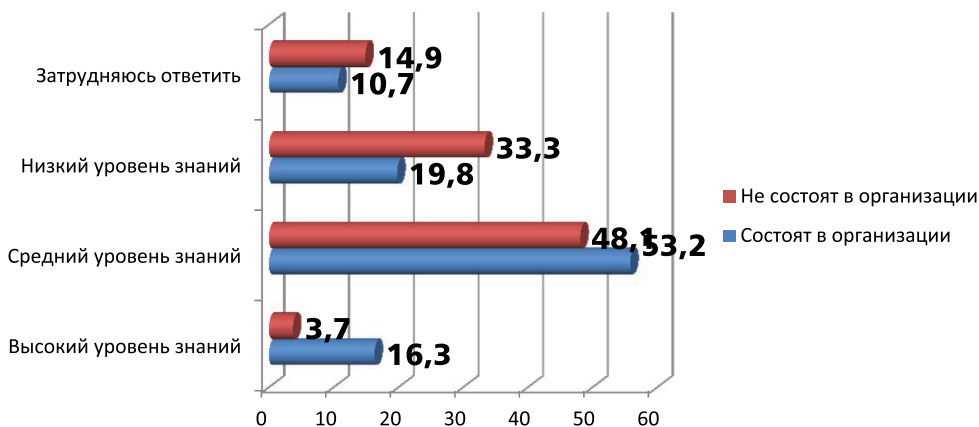

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените свои знания по истории российского казачества», с учетом членства в казачьей организации, %

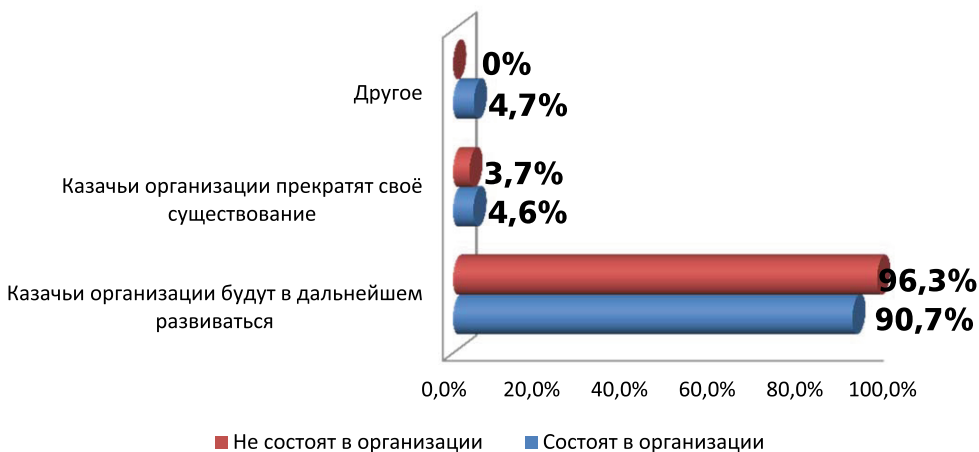

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Каковы перспективы у казачьих общественных организаций в будущем?», с учетом членства в казачьей организации

Выше мы неоднократно указывали на то, что данные нашего исследования убедительно свидетельствуют о значимой роли казачьих организаций в процессе конструирования социокультурной идентичности современного казачества. Казачьи

организации на данный момент регистрируются в соответствии с законодательными актами как органы территориального общественного самоуправления, которые не имеют права дублировать или подменять деятельность местной власти, но закон разрешает широкое участие казачьих обществ в процессе местного самоуправления [Усатов, 2009: 53]. В задачи нашего исследования входило выявление мнения калачевских казаков о перспективах деятельности казачьих организаций. Выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных (91,8%) оценивают эти перспективы оптимистично, считая, что такие объединения будут в дальнейшем развиваться и расширять круг своей деятельности. При этом как члены казачьих объединений, так и те, кто в них не состоит, высказали одинаково позитивное мнение о возможной траектории развития казачьих обществ в дальнейшей перспективе (см. рис. 4).

Резюмируя изложенное и отвечая на вопрос, указанный в заголовке статьи, отметим, что анализ вторичных социологических данных и результатов авторского социологического исследования приводит нас к общему выводу о динамичном развитии и незавершенности процесса социокультурной идентификации современного российского казачества. За последние два десятка лет казачья идентичность, родившись в качестве альтернативы модели «советского человека», приобрела самостоятельное значение и получила свое развитие в рамках процесса формирования и укрепления российской идентичности, используя исторический опыт самоопределения. Перспективы ее дальнейшего развития, на наш взгляд, лежат в плоскости использования инновационного сценария, предполагающего концентрацию ресурсов казачьих объединений на направлениях деятельности, связанных с социальной ответственностью казачества, что обеспечит общественно одобряемый и исторически обусловленный идентификационный тренд.

Список литературы (References)

Артамонова М. Г. Культура и этногенез казачества // Наука и социальное качество. 2015. № 1. С. 69—89.

Artamonova M. G. (2015) Culture and ethnogenesis of the Cossacks. Science and Social Quality. No. 1. P. 69—89. (In Russ.)

Водолацкий В. П. Российская молодежь и социальные перспективы казачества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 52—55.

Vodolatskii V. P. (2011) Russian youth and social perspectives of the Cossacks. Theory and Practice of Social Development. No. 6. P. 52—55. (In Russ.)

Киблицкий А. А. Этнокультурный брендинг как новая тенденция развития современного казачества // Государственное и муниципальное управление. 2011. № 2. С. 101—112.

Kiblitsky A. A. (2011) Ethno-cultural branding as a new trend of the development of modern Cossacks. Public and Municipal Administration. No. 2. P. 101—112. (In Russ.)

Рвачева О. В. Донское казачество XXI века. Конструирование социального феномена // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. С. 89—95.

Rvacheva O. V. (2009) The Don Cossacks in the XXI century. Constructing a social phenomenon. *Bulletin of South Scientific Center of Russian Academy of Science*. Vol. 5. No. 3. P. 89—95. (In Russ.)]

Рыблова М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 158—174.

Ryblova M. A. (2010) The Don Cossacks: towards the question of the 'origin' and socio-cultural transformations. *Ethnographic Review*. No. 6. P. 158—174. (In Russ.)]

Сериков А. В., Барков Ф. А., Волков Ю. Г., Черноус В. В., Водолацкий В. П. Особенности идентичности и культуры донского казачества современной России // *Вестник РАН*. 2013. № 3. С. 113—119.

Serikov A. V., Barkov F. A., Volkov Yu. G., Chernous V. V., Vodolatskii V. P. (2013) The features of identity and culture of Don Cossacks in modern Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. No. 3. P. 113—119. (In Russ.)]

Усатов С. В. Общественные объединения казачества в современной России (на материалах Ростовской области) // *Общество: политика, экономика, право*. 2009. № 1—2. С. 53—58.

Usatov S. V. (2009) Cossacks public association in modern Russia (on materials of Rostov region). *Society: politics, economics, law*. No. 1—2. P. 53—58. (In Russ.)]